

ДМИТРИЙ АККЕРМАН

ШТОСС

Непристойная
Драма
из Русской Жизни

Дмитрий Аккерман

**Штосс. Непристойная
драма из русской жизни**

«Издательские решения»

Аккерман Д.

Штосс. Непристойная драма из русской жизни / Д. Аккерман —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-832784-1

Тихая, патриархальная средняя полоса России. Время, кажется, навсегда замерло здесь. Но под покровом внешнего спокойствия бушуют невероятные страсти... Кто из героев сумеет выйти из смертельного штопора, кто из них выживет? И выживет ли кто-нибудь вообще?

ISBN 978-5-44-832784-1

© Аккерман Д.
© Издательские решения

Штосс

Непристойная драма из русской жизни

Дмитрий Аккерман

© Дмитрий Аккерман, 2016

© Наталья Шапарова, дизайн обложки, 2016

ISBN 978-5-4483-2784-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

– Плие, – почему-то шепотом сказал банковавший судья Антон Иванович.

– Эх, – огорченно хлопнул себя по коленям Ксенофонт Ильич. – Ну все, господа, простите. Сегодня проигрался.

Сидевшие за карточным столиком с сожалением смотрели, как он встает и направляется к гардеробу. Ксенофонт Ильич был игроком везучим и азартным, и в его присутствии игра всегда принимала особый накал.

– Может, вам ссудить? – вслед ему громко сказал жандармский начальник Прокопий Михайлович. Ксенофонт Ильич, не оборачиваясь, махнул рукой.

– Огорчается, – сказал Антон Иванович, тасуя колоду. – Третий день проигрывает. Полоса пошла.

– Отыграется, – сказал жандарм, и потянулся за рюмкой, стоящей на соседнем столике. – Не в первый раз.

В прихожей хлопнула дверь. Ксенофонт Ильич ушел не прощаясь.

– Много, что ли, проиграл? – спросил Василий Барановский. – Кто смотрел?

– Ну, пять сотен-то продул, – сказал Прокопий, занюхивая настойку огурчиком. – Два месячных жалования будет.

– Ваших или его? – иронично улыбаясь, спросил Барановский.

– Его, его..., – отмахнулся Прокопий. – Куда мне до него.

Присутствующие понимающе заулыбались. Официальное жалование Прокопия Михайловича, в самом деле, было существенно меньше, чем у многих из присутствующих. Что, однако, не мешало ему иметь приличный счет в банке и жить на широкую ногу.

– Ну ничего, когда-нибудь и мы разбогатеем, – сказал Прокопий. – Десяточку на даму, если вы не против...

* * *

Гимназистка Леночка шла по ярко освещенной весенним солнцем улице и грустила. Она только что проводила до дому Верочку, с которой обсуждала прочитанные «Записки институтки». Верочка фыркала, называла Леночку пустой мечтательницей и зло рассуждала о жизни. Леночка соглашалась с ней, что жизнь по своей сути жестока и несправедлива, но без высоких чувств жить совершенно невозможно.

В один из моментов спора Верочка остановилась, посмотрела ей пристально в глаза и язвительно произнесла:

– Скажи еще – «любовь»! Ха-ха!

Леночка пристыжено замолчала. Само собой, она была перманентно влюблена – порой неизвестно в кого, просто так. А иногда сразу и в нескольких, причем более чем конкретных персонажей. Началось это у нее еще в пять лет, с того самого момента, как она, будучи с маменькой в гостях, влюбилась одновременно в бравого корнета Василия и его младшего брата, милого шестилетнего Мишаню. Однако же через год Василий умер от заражения крови, навсегда оставшись светлым образом в ее сердце, а Мишаня превратился в мерзкого мальчишку, таскавшего ее за косы. Так что и эта великая любовь умерла.

Верочка же постоянно смеялась над самым словом «любовь» и порой рассказывала Леночке такие циничные вещи, что та готова была сквозь землю провалиться от стыда. Однако наутро ей снова хотелось слышать все те гадости, о которых говорила Верочка, и от которых было томно и жутко где-то внутри.

Расстались они на нервной ноте, и по этому поводу Леночка была огорчена. Впрочем, для огорчения была и еще одна причина. Год она заканчивала не то чтобы плохо, но для дочери директора гимназии совершенно недопустимо. Почти все предметы шли у нее хорошо, а вот естественная история и математика не давались никак. Она даже опасалась, что получит по этим предметам удовлетворительные оценки, что ввергнет всю их семью в пучину бесконечного позора.

Леночка даже самой себе не могла признаться, что причина отнюдь не в ее глупости, как она иногда предполагала. Причина была в учителе Андрее Евгеньевиче, который пришел к ним в гимназию в этом году. Было в нем что-то такое, отчего у нее замирала сердце... а когда он вызывал ее к доске, она что-то мямила себе под нос и совершала ошибку за ошибкой.

Одновременно с этим она успевала влюбляться то в одного, то в другого увиденного или малознакомого юношу, безутешно страдать по ним и снова влюбляться в следующего. Однако с злосчастной естественной историей и математикой так ничего и не выходило.

От огорчения Леночка даже решилась на неблагоприятный поступок. Она зашла в кондитерскую лавку. Конечно, если бы здесь ее застучала инспекторша Вильгельмина Ульриховна, которую вся гимназия звала Жабой, ей бы сильно не поздоровилось – в кондитерскую гимназисткам было строго-настроено запрещено даже заглядывать. Вероятнее всего, она отхватила бы розог по всей строгости. Но расстройство было сильнее.

В магазине она купила булку с изюмом и полфунта пастилы. Деньги на мелкие расходы ей по очереди подкидывали то папенька, то маменька, причем, как она предполагала, оба не догадывались о том, что то же самое делает второй супруг. Потому она предусмотрительно

не обсуждала эти мелкие денежные дела ни с кем в доме, что позволяло ей чувствовать себя весьма обеспеченной особой. Во всяком случае, на мелкие шалости наподобие поедания сладкого то наедине с собой, то с Верочкой, ей вполне хватало накопленных средств.

Зайдя в кусты и усевшись там на лавку, она с удовольствием набила себе рот пастилой и постаралась отвлечься от дурных мыслей. Обычно это помогало.

* * *

Учитель естественной истории Андрей Ляховский был крайне озабочен. Его раздирали противоречивые желания.

Ему нужны были деньги. Много денег. Деньги требовались на разное. Он вчитывался в каталоги книг, которые ему необходимо было выписать, аккуратно заносил названия трудов в столбик, затем суммировал получившуюся сумму и с горечью понимал, что скромного учительского жалования не хватит даже на сотую часть желаемого. Впрочем, и то, что он желал, было лишь небольшой частью его масштабных планов по завоеванию человечества. Как минимум его образованной части.

В этот момент он задумывался о будущем и понимал, что с его репутацией неблагонадежного его вряд ли пустят работать в российских университетах. А для того, чтобы уехать в Германию и жить там, требовались средства. Он списался с самим Гурвицем, и тот обещал замолвить словечко перед ректором университета в Кёнигсберге – в случае, если Негг Lyakhovsky действительно предоставит ему образцы своих работ. Само собой, сбегать из-под надзора полиции было бы безумием – но влачить свои дни в провинциальной Вологде, уча арифметике и движению планет бездарных девчонок, было еще более безумно.

Поэтому пришлось думать и о том, как перебраться в Европу, умудрившись не попасться в лапы жандармерии. То, что он находился в тихой провинциальной Вологде, в этом смысле было плюсом. Он даже разработал целый план, состоявший в том, чтобы в гимназии сказать тяжело больным как раз на следующий день после того, как он совершит обязательный визит в жандармерию. Тогда у него будет целая неделя, пока его хватятся, и еще минимум неделя до того, как ленивые вологодские жандармы начнут его искать. Вполне достаточно для того, чтобы на перекладных и под чужой фамилией добраться до Либавы. А оттуда и до Кёнигсберга. И – свобода!

Мысли мучили, отвлекали от работы. А она и без того продвигалась медленно. Уже пятнадцать толстых тетрадей были исписаны мелким аккуратным почерком, но впереди предстояло гораздо больше. Учителю уже грезились толстые тома *in folio* с скромной надписью золотом на корешках: «Andrew E. Lyakhovsky. Ausgewählte mathematische Werke». Его устраивали исключительно «Ausgewählte», и никак иначе.

По поводу своего научного труда он мучился не меньше, чем мыслями о будущем и о деньгах. То ему казалось, что это залог предстоящего успеха в большом мире, и сразу после публикации он получит приглашение в какой-нибудь европейский университет. То он думал, что представляет собой полнейшую бездарность и повторяет чьи-то мысли... Он пытался общаться на эту тему с тем же Гурвицем, однако одно письмо оборачивалось примерно за месяц, что для плодотворного общения было совершенно убийственно.

Проверить свои идеи было невозможно – библиотеки в Вологде были отвратительными, никакой серьезной литературы там не было. Нужно было выписывать последние труды европейских ученых почтой через Петербург – но все снова упиралось в деньги...

Уже второй день он обдумывал предложение директора гимназии позаниматься дополнительно с его дочерью Еленой. Предложение было финансово интересным, но крайне двусмысленным. Елену он считал одной из самых бездарных своих учениц. Обычно она и двух слов не могла связать, стоя у доски, и он был крайне удивлен тем, что по остальным предметам она считалась прекрасно успевающей. Он сомневался, дадут ли ей что-либо эти дополнительные уроки – а в случае фиаско он и вовсе мог вызвать сомнения директора в своей профессиональной компетентности. Впрочем, все свое пребывание в гимназии он считал глупой случайностью, а уж перевоспитание бездарных учениц и вовсе считал ниже своего достоинства.

После прошлогодней истории с полицией он был выслан из Петербурга в это захолустье, и с большим трудом смог найти работу в женской гимназии. На большее пока рассчитывать не приходилось – да и это-то место он получил лишь благодаря дальнему знакомству гимназического руководства с его отцом.

Андрей Евгеньевич еще раз взглянул на листок с предполагаемыми расходами и решительно приказал себе согласиться на просьбу Ксенофонта Ильича. Кёнигсбергский университет виднелся где-то в далеком тумане, а деньги нужны были сейчас.

* * *

Ниночка медленно разделась перед зеркалом и провела руками по телу. Фигура была прекрасно. Она с удовольствием погладила себя по плоскому животу, задержалась на упругой, как яблоки, груди. После чего с ненавистью посмотрела на мешковатое коричневое платье, толстые чулки и разбросанные по кровати шпильки, превращавшие чудесные белокурые волосы в мерзкий старушечий кокон.

Она часто представляла себя актрисой какого-нибудь варьете. Короткие юбки, ноги наголе, декольте, шампанское, мужчины... От таких мыслей у нее кружилась голова, и внутри возникало томительное тянущее ощущение. Иногда она даже слышала музыку и кружилась голой по своей комнатке, стараясь не шуметь, чтобы не вызвать гнев домохозяйки Глафиры. Домохозяйку она боялась даже больше, чем мышей и лягушек. То есть панически.

Полюбовавшись собой, она умылась, надела чистую, хрустящую от крахмала ночную рубашку и легла в постель. Взяла в руки «La Tentation de saint Antoine», которую читала уже третий вечер. Ей было стыдно признаться, но книга была скучна. Она поймала себя на мысли о том, что с удовольствием пролистала бы «Записки институтки», о которой как раз сегодня на уроке словесности с презрением высказалась своим девочкам.

Читать не хотелось. Нина задула свечку и начала думать. Главной ее мыслью последнее время была смена квартиры. Учительское жалование было не таким уж большим, к тому же половину она отсылала матери, несмотря на все ее протесты. Однако она отчетливо представляла себе, что, если бы не ее помощь, мать вынуждена была бы влачить по меньшей мере жалкое существование – если вообще не нищенское. Этого она не могла допустить никак.

По чести сказать, если бы не необходимость тратить на приличную одежду, проблем бы не было. Одежда, однако, ввергала ее в значительные расходы. Мать приучила ее к бережливости и аккуратному обращению с вещами, которые она могла носить годами. Однако работа учителя вносила свои коррективы в ее привычки.

Ниночка помнила, как инспекторша гимназии Вильгельмина Ульриховна битый час отчитывала ее за плохо проглаженную кофточку – хотя отчитывать надо было, конечно, не ее, а проходящую прислугу Анфису. Было безумно стыдно, она чувствовала себя напраказившей девчонкой, и в тот раз совсем уже собралась расплакаться и уйти из гимназии навсегда... лишь мысль о маме, которая не перенесет такого удара, останавливала ее.

С квартирой, однако, надо было действительно что-то решать. Домохозяйка не давала ей прохода, пиля за каждую мелочь, чутко прислушиваясь к происходящему у нее в комнате и отчитывая за поздние возвращения. Несколько раз Нина замечала, что в ее отсутствие кто-то шарился в ее вещах – не особо, кажется, скрываясь. Само собой, это не могла быть Анфиса – та была из пашковцев и потому маниакально честна. Высказать, однако, об этом нарушении этических норм домохозяйке было подобно смерти.

Ниночка уже несколько раз пересчитывала свои скромные накопления, и регулярно читала объявления о сдаче жилья в городской газете. Однако цифры одного с другим никак не сходилось, и переезд приходилось откладывать из месяца в месяц. Несмотря на материальные затруднения, она все-таки твердо решила дождаться лета, уехать на каникулы к маме, а вернуться уже в новую комнату или, может быть, даже небольшую отдельную квартиру.

Остальную – и все более значительную – часть ее мыслей занимал учитель естествознания Андрей Евгеньевич. Проработав бок о бок с ним почти год, она так и не была уверена, различает ли он ее в толпе учениц, или здоровается исключительно из вежливости, как со всеми. Сама она не переставала думать о нем еще с конца октября, когда случайно коснулась его ладони на лестнице. Тогда ее как будто ударило током: она увидела высокого, статного, хотя и не особо симпатичного учителя совершенно в другом свете. С тех пор он стал предметом ее ежевечерних мыслей и даже ночных снов – причем иногда настолько откровенных, что она просыпалась со стоном и ощущением какой-то невероятной нежности на душе.

Удивительно, но за более чем полгода ей даже не удалось с ним ни разу поговорить. Он постоянно был углублен в какие-то свои размышления и общался исключительно с директором гимназии – когда тот снисходил до учителей. Ну и само собой, с инспекторшей, внимания которой не избегал никто.

С наступлением весны стало еще хуже. Ее постоянно мучили кошмары, она не переставая думала об учителе даже ночью, не говоря о времени, проводимом в гимназии, и оттого даже стала ошибаться на уроках. К счастью, почти никто из учениц этого не замечал, а если и замечал, то не подавал виду.

Уже несколько дней, как она твердо решила встретиться с Андреем Евгеньевичем и объясниться. Конечно же, это было непристойно – но она жаждала хоть какого-то успокоения своей мятущейся душе. Нужно было только найти повод для подобной встречи. Учитель жил недалеко от нее – собственно, она могла бы узнать у него про какую-нибудь редкую книгу, однако не представляла, что бы это могло быть. Вероятно, следовало проявить какой-либо интерес к естественной истории – но с ней у Ниночки еще в гимназии были большие проблемы.

Она помнила лишь, что Земля вращается вокруг Солнца, а приливы и отливы связаны с Луной. Да и то сомневалась, не перепутала ли что-нибудь.

Теперь она решила наверняка зайти к нему, например, послезавтра. Она знала, что к обеду девочек поведут к причастию, и большинство учителей будут свободны уже после полудня. Мысль о том, что это совершенно неприлично, она загнала в самый дальний угол.

Самой маленькой проблемой был начальник жандармского управления. Не так давно он встретил Ниночку недалеко от гимназии, решительно остановил ее и грозным голосом осведомился, кто она такая. Ниночку поразил его мундир, задиристо торчащие усы и сверкающий латунью эфес сабли. Она торопилась домой, так как хотела в туалет, и от неожиданности едва не подпустила струйку. Заикаясь, она назвала свое имя, фамилию, место работы и должность.

– А я Прокопий Михайлович, барышня, – все еще грозно ответил ей жандарм. – Есть у меня к вам серьезное дело. Вы ведь к нам приехали... откуда?

– Из Петербурга.

– Так. А родители кто у вас?

– Отец скончался давно... а маменька в библиотеке работает...

– Вот-вот. Явитесь-ка ко мне в управление... ну, например, в пятницу. К вечеру. Часиков в шесть пополудни. Побеседуем.

– Хорошо.

Она думала о странном поведении жандарма до вечера, но потом снова отвлеклась на мысли об Андрее Евгеньевиче. О том, что пятница будет уже послезавтра, ей вспомнилось только сейчас. Уроки у нее были до пяти часов, она успевала даже немного погулять по городу и привести мысли в порядок. Что нужно от нее жандарму, она даже представить не могла, и предпочла об этом до времени просто не думать.

* * *

Ксенофонт Ильич нервно ходил по кабинету. Кабинет был заперт изнутри, чтобы никто из домашних не вошел и не побеспокоил его. Причина нервозности директора гимназии возвышалась на столе в виде небольшой кучки ассигнаций и стопок имперIALов.

Только что Ксенофонт Ильич выяснил, что проиграл куда больше, чем предполагал. С того момента, как он стал сначала инспектором гимназии, а затем и директором, он практически перестал экономить, хотя привычку жить действительно на широкую ногу так и не приобрел.

Накопления у него были значительными: будучи приучен с молодости к бережливости, он старательно считал деньги даже и тогда, когда стал высокооплачиваемым учителем, а затем и директором. Нынешняя зарплата существенно превышала потребности: жалованье он складывал в потайной шкаф, откуда выдавал на хозяйство экономке Марфе, на обучение Леночке и на наряды жене и дочке. Леночке, впрочем, особых нарядов до той поры, пока она пребы-

вала в стенах гимназии, не полагалось: согласно гимназическому уставу, воспитанницы должны были ходить в форме даже во внеурочное время. Исключением могли быть только поездки на дачу или с родителями в гости.

Банкам он не доверял, хотя однажды уступил настояниям жены и отнес туда на хранение трехмесячное жалование. Теперь его мысли то и дело перескакивали на эту сумму – он гнал их подальше, пытаясь думать о том, как же он умудрился проиграть столь большие деньги. Какие именно, он не знал – учета проигранным деньгам давно не велось, а играл он, как ему казалось, по маленькой.

Обычно он клал деньги или в ящик стола, который всегда запирали, или в столь же тщательно запиравшийся потайной шкафчик внутри стенового шкафа. Он искренне считал, что любых людей, даже домашних, нельзя провоцировать на нехорошие поступки, а потому не нужно давать им даже минимальную возможность присвоить деньги. Или подумать об этом.

На столе лежала немалая сумма – около тысячи на ассигнации и шестьдесят золотых империалов. Это, как только что выяснилось, были все его наличные средства. Правда, скоро предвиделось жалование – однако Ксенофонта Ильича беспокоили масштабные планы супруги на летние каникулы. Анна Мария была намерена съездить летом в Ниццу, что, безусловно, требовало существенных расходов. Супруга была в Ницце лишь однажды, в ранней юности, и всегда с упоением вспоминала роскошный особняк на берегу моря, в котором они жили с родителями. Сейчас она рассчитывала на ничуть не худшие условия, чем тогда. Чем несказанно пугала мужа.

Сам Ксенофонт Ильич с гораздо большим удовольствием уехал бы на все каникулы в старое родовое поместье Пешево под Костромой, принадлежавшее его матери и доставшееся ему в наследство. В поместье, которое насчитывало от силы десятков домов, можно было бездумно бродить босиком по лугам, купаться в пруду вместе с деревенскими мальчишками и в охотку колоть по утрам дрова.

В принципе, с учетом банковского вклада и предстоящего жалования за два отпускных месяца, денег на отдых хватало. Но ему хотелось играть. Причем играть всерьез – с крупными ставками, от которых в нем зарождался настоящий охотничий азарт: чувство, которое он ценил больше всего в жизни. Для того, чтобы играть свободно и не ощущать себя скованным глупыми рамками, ему нужно было иметь в кармане минимум тысячу, а лучше две.

Остановиться он не мог. Увлечшись игрой год назад, он несколько раз пытался бросить, ударялся в работу, гулял с дочерью, запирали в кабинете, даже несколько раз напивался. Все было бесполезно. Страшный червь грыз его изнутри, как курильщика опия, пальцы зудились в предвкушении карт, по ночам снились пачки ассигнаций, небрежно бросаемые на стол... Ксенофонт Ильич был серьезно болен игрой.

Ему нужно было писать отчетную ведомость: учебный год подходил к завершению, скоро он должен был ехать в министерство с докладом. Вместо этого он поглядывал на часы и лениво убеждал себя пропустить сегодняшнюю игру. Накануне он ушел с позором – в кармане не осталось даже гривенника на извозчика, пришлось добираться в темноте пешком. Попросить взаймы было стыдно.

В надежде успокоить нервы, он открыл шкафчик, налил стопку зубровки и выпил. Жидкость огненным шаром прокатилась по телу, но облегчения не принесла. Играть захотелось еще больше. Он задумчиво почесал лысеющую голову.

– Да гори оно все огнем! – наконец злобно сказал он и принялся аккуратно раскладывать деньги по карманам сюртука. Империялы оттянули боковые карманы – он с сомнением посмотрел на них и оставил у себя только двадцать монет, спрятав остальные в стол.

Отперев дверь, он крикнул:

– Марфа!

– Да, Ксенофонт Ильич, – девушка появилась сразу, как будто ждала его в коридоре.

– Принеси чаю, и найди извозчика. Съезжу к Лощицу. Буду поздно, ужин не оставляй.

– Хорошо, – Марфа покраснела и неуклюже сделала что-то отдаленно похожее на книксен.

* * *

Леночка прибежала из гимназии запыхавшись.

Дома была только Марфа. Увидев Леночку, она расплылась в улыбке и тут же сделала заговорщическое лицо. Леночка, впрочем, не обратила на нее особого внимания – Марфа, по ее мнению, была глуповата и уж наверняка бестолкова.

– Где маман? – на бегу спросила она.

– Госпожа отбыли. По магазинам.

– Дашь что-нибудь поесть?

– Сейчас сделаю, Леночка.

Леночка поморщилась – ее коробило, что Марфа называет ее по имени. Вот у Верочки прислуга называет всех девушек барышнями – это звучит. А Леночка в устах прислуги – это как собачку позвали.

Она забежала к себе в комнату, быстро освободилась от надоевшей формы и влезла в мохнатый халат. Форму следовало бы постирать – на воротничке уже наметились серые полоски. Если Жаба увидит – нагоняя не избежать. Но до выходных вроде еще терпит.

Леночка легла на диван и сладко потянулась. Эх, сейчас бы поспать... Полночи она мечтала о разном и потому совершенно не выспалась.

Скрипнула дверь. Как всегда без стука вошла Марфа, выставив перед собой поднос.

– Марфа! Входить без стука неприлично, – строго одернула ее Леночка.

– Так нет же никого, – искренне изумилась экономка.

– О боже, где я живу – пробормотала себе под нос Леночка и махнула рукой. – Ну давай, что там у тебя. Я бы коня съела.

На подносе была булка с маком, горячий расстегай и большая кружка теплого молока.

– Перекуси пока, потом с учителем еще чаю попьешь.

– С каким еще учителем? – Леночка застыла с набитым ртом.

– Так я и говорю – учитель скоро придет к вашей милости. Учить будет.

– Какой учитель-то? – сердце Леночки упало куда-то вниз.

– Не помню, какой. Сенофонт Ильич говорили, а я и забыла сглупа. Что-то про звезды учит.

– Господи, – сердце Леночки яростно забилося. – Андрей Евгеньевич, что ли?

– Вроде да, Евгеньич.

– Что ж ты молчала-то? Когда придет?

– Так не знаю. Как придет, так и придет. Может, уже пришел.

Леночка вытолкала Марфу за дверь и заметалась по комнате. Такой неожиданный казус поставил ее в совершеннейший тупик. Папенька несколько раз говорил о дополнительных занятиях, но как-то в общем, неконкретно. Хотя сейчас это, конечно, неважно. Главное – она не знала, как одеться. Опять надевать гимназическую форму не хотелось – хотя на дополнительные занятия тоже распространялись правила. Но не будет же Андрей Евгеньевич доносить на нее Жабе?

Наконец она замерла и подумала, что может не торопиться – она ведь не знала, что он придет, и имеет полное право задержаться.

Скинув халат, она подошла к зеркалу и посмотрела на себя. Чулки, панталоны и лиф на голом теле выглядели смешно. Она подумала, что для первого занятия прекрасно подойдет новое коричневое платье, которое она летом надевала в театр. Вот только дурацкие кудряшки, делавшие ее совершенно несерьезной... Впрочем, некоторые считают их очень милыми.

Влезать в платье без помощи Марфы было неудобно, но снова звать бестолковую девку не хотелось. К тому же та наверняка подвергнет критике ее наряд – прекрасно зная, что она должна быть в гимназической форме. Кое-как застегнувшись, Леночка переобулась в туфли, потом подумала и завязала на шее шарфик. Залюбовалась на себя в зеркало. Картину портили чересчур пухлые губы и отсутствие шляпки. Но ходить в шляпке дома было бы глупо.

Внизу хлопнула дверь. Ее сердце оборвалось и остановилось где-то в животе. Еще раз посмотревшись в зеркало, Леночка глубоко вздохнула, сделала серьезное лицо и вышла в залу.

Она с первого взгляда поняла, что учитель удивлен ее внешностью. Еще бы – в гимназии она была одна из многих птичек в одинаковой коричневой форме. А здесь он увидел ее в очень взрослом платье, которое – она не признавалась в этом даже себе – очень выгодно подчеркивало ее не самую дурную фигуру.

Она слегка поклонилась и медленно, глубоким голосом, произнесла:

– Добрый день, Андрей Евгеньевич. Рада видеть вас в гостях. Изволите чаю?

– Нет, спасибо. Где нам удобно будет заниматься?

Она уже совсем собралась пригласить его в свою комнату, но представила, какой скандал по этому поводу закатит мать, и прикусила язык. Тут же встряла вездесущая Марфа:

– Ксенофонт Ильич сказали, чтобы к нему в кабинет шли.

Леночка удивилась. Отец обычно никого не пускал в свой кабинет. Хотя там, действительно, было удобно – там была доска, мел и хороший стол. А главное, там не было Марфы, которая опасалась заходить в хозяйский кабинет, считая его чем-то типа алтарного места.

Домашняя обстановка и отсутствие формы оказали на Леночку магическое действие. Все, что рассказывал учитель, было простым и понятным. Он писал алгебраические формулы и ровным голосом объяснял, что и почему. Она переписывала, повторяла и была счастлива от того, что он рядом.

Наконец он стер все с доски и протянул ей мел.

– Повторим?

Она встала, взяла мел из его руки. Их пальцы соприкоснулись. Она вспыхнула, как огонь. Ей показалось, что из его пальцев прямо в ее тело течет горячая лава. Она судорожно сглотнула, неловко повернулась к доске. Ее грудь задела его плечо. Он тоже вспыхнул. У нее потемнело в глазах – вполне вероятно, стоило упасть в обморок. Откуда-то издалека до нее донесся ее голос:

– А в квадрате, деленное на б в квадрате...

* * *

Ниночка сияла. Дети заметили это, но, естественно, не догадывались о причине.

Причина была проста. Ниночка уже поняла, что ей двигало провидение. Рано утром она столкнулась с Андреем Евгеньевичем на пороге гимназии. Он радостно поздоровался с ней, она ответила ему тем же. Пропустив ее вперед, он пошел следом – она всей спиной чувствовала его взгляд и понимала, что краснеет.

Сделав шаг в сторону, она пошла по коридору рядом с ним. Спросила о погоде, о здоровье, затем собралась с духом и выпалила:

– Простите, Андрей Евгеньевич. Нет ли у вас книги «Zur Theorie der speciellen Störungen»?

Название она вычитала в удачно подвернувшемся ей под руку томике Брокгауза и Эфрона и учила его весь вечер и все утро. Эффект превзошел все ее ожидания – учитель споткнулся и с изумлением посмотрел на нее, как будто увидел привидение:

– Э-э-э... Нина... э-э-э...

– Григорьевна.

– Да-да, простите. Вы увлекаетесь работами Витрама?

– О, нет, что вы. Упаси бог. У меня племянник ими весьма интересуется.

– А. Простите еще раз. Я сразу не догадался. Конечно, у меня есть Витрам. Вам его принести?

– М-м-м... Вы знаете, Андрей Евгеньевич, не хотелось бы вас беспокоить такой мелочью. Может, я сама заберу?

– Конечно. Заходите, в любое удобное время.

– А если сегодня? Девочек поведут к причастию...

– Можно и сегодня. Буду рад.

Само собой, после этого Ниночке хотелось петь и танцевать. Она незаслуженно поставила троице девочкам отличные оценки за кое-как прочитанное «Успокоенное неверие», простила Елену Миллер за неподобающую болтовню и напрочь забыла дать домашнее задание. До самого обеда она не выходила из класса, чтобы случайно не встретить Андрея Евгеньевича и не услышать фразу о том, что он передумал или занят.

После окончания уроков она спешно заперлась в дамской уборной. Ей нужно было выждать, пока Андрей Евгеньевич уйдет домой. Идти вместе с ним к нему домой на виду всего города означало полностью уничтожить всю свою репутацию. И даже, возможно, расстаться с местом в гимназии. Сам же учитель, в силу возвышенности мыслей, вряд ли об этом стал бы задумываться.

Подождав с полчаса, потраченные с большой пользой для ее и без того приятной внешности, Ниночка вышла на улицу. Она знала, где живет учитель: этот дом в стороне Верхнего посада когда-то предлагали занять ей. Тогда, когда она только приехала учительствовать в Вологду, ей очень понравился уютный домик с садиком. Однако запрошенная хозяином цена была ей не по карману. К тому же она представила, как будет управляться с домом в холодную зиму, колоть дрова, носить воду, и решительно отказалась от удовольствия жить без домохозяйки.

Ниночка осторожно оглянулась, не видит ли ее кто, и постучалась в калитку. Никто не ответил. Сердце ее упало: вполне вероятно, Андрей Евгеньевич где-то задержался. Торчать на виду у всей улицы, пусть и пустынной, совсем не хотелось. Она толкнула калитку и вошла во двор.

Андрей Евгеньевич был дома. Она увидела его через открытое окно и небрежно задержанную занавеску. Распевая какой-то романс, он умывался над тазом с водой, периодически шумно фыркая. Она замерла, глядя на его обнаженное тело. Он был красив и мускулист – в чем-то даже напоминая статую Аполлона.

Ниночка поняла, что ведет себя непристойно, и сделала шаг в сторону дверей. Хрустнула галька под ногами – учитель поднял голову и заметил ее силуэт.

– Минутку, я сейчас, – крикнул он и скрылся в другой комнате. Ниночка поняла, что ее сердце слишком часто бьется – как тогда, когда ей снятся разные сны.

Он распахнул дверь. Она удивилась – он был в белой рубашке с открытым воротом, которая ему удивительно шла, но совершенно не вязалась с его научным образом. В вырезе рубашки виднелась грудь – ее это смутило, и она постаралась не смотреть туда.

– Заходите, Нина Григорьевна!

Ниночка всегда была убеждена, что вещи говорят о человеке больше, чем он сам. Поэтому, войдя в комнату, она начала пристально рассматривать всю обстановку. Большую часть комнаты занимал большой стол, на котором стопками выселись книги. Несколько каких-то физических приборов, перед чернильницей раскрыта мелко исписанная тетрадь. Андрей Григорьевич перехватил ее взгляд и заметно смутился – она же решила не выказывать своего интереса, но уже знала, что именно посмотрит в первую очередь, если он отвернется.

Рядом со столом стоял диван с небрежно брошенным английским пледом. Судя по всему, хозяин не всегда утруждал себя вечерним путешествием до кровати, которая через раскрытую дверь виднелась в другой комнате, и зачастую спал тут же.

– Разве вы не женаты? – задала Ниночка вопрос, ответ на который прекрасно знала. Вопрос этот она приготовила по дороге, понимая, что удивить и озадачить – значит победить. Учитель действительно смутился и растерянно сказал:

– Н-н-нет... прошу прощения, у меня тут такой беспорядок...

– Да нет, все хорошо. Даже уютно. Мне нравится у вас.

– Спасибо. А хотите чаю? Или, может, кофе?

Ниночка не любила кофе, несмотря на то, что в родительской семье он был в почете, хотя готовился редко, в силу высокой цены. Однако тонкости его заваривания она знала хорошо, и решила посмотреть, насколько это искусство знакомо Андрею Евгеньевичу.

– Пожалуй, кофе. Если вас не затруднит.

– Минуту, – учитель скрылся за дверью, ведущей, судя по всему, в кухню. Ниночка удивилась – ее покойный отец всегда варил кофе в своем кабинете. Впрочем, время на удивление терять не стоило. Она осторожно подошла к столу и заглянула в тетрадь. Твердым уверенным почерком там были написаны какие-то сплошные формулы. Быстро пролистав уже исписанные листы, поняла, что нормальных слов там два-три на страницу. Ниночка вдруг ощутила, какая бездонная пропасть лежит между ней и Андреем Евгеньевичем... и одновременно восхитилась его умом.

Она пробежала глазами по корешкам книг. Да, одна математика и астрономия. Ни одного романа или сборника стихов.

Андрей Евгеньевич показался в дверях с подносом. Ниночка оглядела комнату и рассмеялась – поднос определенно было некуда ставить. Андрей Евгеньевич удивленно посмотрел на нее, потом понял свою ошибку и тоже рассмеялся.

– Давайте, я подержу, – сказала Ниночка. Пока учитель передвигал книги на столе, она вдыхала аромат кофе и размышляла о том, отчего же у нее кружится голова.

Кофе был горьким и крепким. Она налила побольше молока, чтобы не было так неприятно. Смех развеял напряженность – теперь они болтали, как будто были знакомы сотню лет. Ниночка с удивлением отметила, что у них внезапно нашлось масса тем для разговоров – в основном, конечно, их общие ученицы.

Кофе закончился, а они все говорили. Ей больше не хотелось пить – но еще меньше хотелось, чтобы разговор останавливался. Однако Андрей Евгеньевич все-таки замолчал и спросил:

– Еще чашечку?

– Да. Только не такой крепкий, пожалуйста.

Принеся вторую порцию кофе, учитель с заговорщическим видом подошел к столу и достал пузатую бутылку. Ниночка прочитала на этикетке: «Henri Geffard».

– Что это?

– Предлагаю сделать кофе по-французски.

– Ну... хорошо, давайте.

Андрей Евгеньевич открыл бутылку – Ниночка ощутила резкий аромат. Он налил немного в чашечки – аромат усилился.

Кофе оказался невероятно вкусным. Андрей Евгеньевич приподнял свою чашку и сказал:

– А давайте на «ты»? За пределами гимназии, конечно...

– Давайте, – Ниночка стукнула своей чашкой по его чашке, как будто чокаясь.

От кофе с коньяком у нее закружилась голова. Она болтала все смелее.

– А скажите... скажи, как ты оказался в нашей гимназии?

Андрей Евгеньевич нахмурился. Ниночка поняла, что вопрос ему неприятен, и растерялась.

– Дело в том...

– Извини. Я, кажется, спросила что-то не то...

– Да нет. Все в порядке. Я был в кружке социал-революционеров, попал под надзор полиции и был выслан сюда.

– Ой. Какой ужас... В Петербурге?

– Да.

– Настоящий революционер?

– Нет, ничего страшного. Я не бомбист, меня даже к детям подпускают. Я только не могу никуда отсюда уехать.

Это было ужасно романтично, и Ниночке хотелось еще и еще разговаривать с ним. Однако две чашки кофе давали себя знать. Ей все сильнее нужно было в туалет, да и приличия пора было соблюдать. Поэтому она встала и сказала:

– Большое спасибо за кофе и чудесный разговор. Я просто счастлива, что мы с тобой так поговорили. Мне совсем не с кем общаться...

– И тебе спасибо. Я тоже совсем одинок. Заходи в любое время, я буду очень рад.

Он подал ей руку. Она взялась за нее и снова ощутила, что ее как будто дернуло током. Она потупилась, не зная, как реагировать. Потом взяла шляпку, подошла к зеркалу и не спеша привела себя в порядок.

– До свидания.

Она направилась к двери, напоследок обернулась. Он шагнул за ней, снова взял ее за руку, останавливая. Она почувствовала, что сейчас свершится что-то невообразимое... закрыла глаза и почувствовала на своих губах его губы...

* * *

Ксенофонту Ильичу пришла удача и пошла карта. Он играл на масть и на мелкие карты, поочередно на бубны и червы, и чувствовал, что его буквально распирает от удачи.

Распирало, впрочем, не только его, но и его карманы. К середине ночи партнеры заметно поскущели, пребывая в изрядном проигрыше. Банк метал Антон Иванович, который, несмотря на часто выпадающее плие, тоже проигрывал.

Ксенофонт Ильич заметил, что проигрывает он в основном, когда ставит по маленькой – по десятке или по четвертному. Поэтому он начал играть по сотне, совершенно сбивая с толку остальных игроков, постепенно перешедших на небольшие ставки. Впрочем, когда Прокопий Михайлович начал ставить по пятерке, Ксенофонт Ильич тоже был вынужден перейти на пятьдесят, хотя и боялся такими метаниями спугнуть удачу.

Наконец Антон Иванович поднял руки, показывая, что банк пуст. Актер Лоскутников, давно проигравший все, что было у него в карманах, и оттого скучавший, оживился:

– Господа, что ж мы, расходиться? Давайте шампанского!

Ксенофонт Ильич понял намек актера. Как можно небрежнее он достал из кармана две десятирублевых ассигнации, мельком глянул на них – должно хватить – и перевел взгляд на Лошица. Антон Иванович крикнул:

– Прощка!

В дверях появился разбитной малый, служивший прислугой у судьи.

– Сгоняй-ка за шампанским, любезный, – протянул ему деньги Ксенофонт Ильич. – Полдюжины. До Светлорядской добеги.

В предвкушении выпивки игроки оживились. Антон Иванович позвал служанку – та пришла, заспанная, молча кивнула на распоряжение судьи и ушла в кухню. К возвращению Прощки на столе уже стояли фрукты, тонко порезанная севрюга, икра, английский бекон и какие-то домашние булочки. При виде еды Ксенофонт Ильич судорожно сглотнул слюну – только сейчас он понял, что от нервов и азарта игры страшно проголодался.

Запыхавшийся Прощка принес шампанское, но даже не подумал отдать сдачу, которая наверняка должна была остаться. Ксенофонт Ильич махнул рукой – не устраивать же разнос чужой прислуге. Да и выиграл он сегодня столько, что грех жаловаться. Деньги оттопыривали карманы, это наверняка не совсем прилично выглядело. Однако брать с собой на вечернюю игру саквояж было крайне дурной приметой.

Судья хлопнул пробкой. Шампанское пенной струей полилось в бокалы... Ксенофонт Ильич поднял свой бокал и произнес:

– За удачу, господа!

– За удачу, – чокнулся с ним Антон Иванович. – Говорят, в картах не везет – значит, в любви обязательно...

– О боже, господа, – крикнул Лоскутников. – Любовь? В нашем тихом городке?

Наступило молчание. Большинство присутствующих многозначительно подняли брови и улыбнулись.

– Любовь... знаете, молодой человек, любовь – она ведь не от города зависит. А от сердца, – задумчиво сказал купец Барановский.

– Не спорю, не спорю, – поднял руки Лоскутников. – Иной раз как встречу наших гимназисток, так прям сердце замирает, до чего хороши...

После третьей бутылки Ксенофонт Ильич понял, что у него сильно кружится голова. Организм, переживший нервную бурю, не справлялся с коварными пузырьками. Он попытался сымпровизировать еще один тост – но язык его заплетался настолько, что он не смог сказать почти ничего. Несмотря на это, он все-таки потянулся к очередному бокалу:

– Господа... да! Это прекрасно, господа! Я пью за вас!

Не менее пьяные гости дружно закричали «ура».

– Господа, а поехали к Брызгалову, в «Якорь»? – предложил Лоскутников.

– У-у-у, – протянул Барановский. – Знаю я вас, молодых. Вы же потом к девушкам потащите.

– Ну это безусловно, – ухмыльнулся Лоскутников. – Как без девушек-то?

Ксенофонт Ильич понял, что ему пора ретироваться, тем более что платить за оргию наверняка придется ему. Однажды он уже поддался на уговоры друзей. Тогда вечеринка продолжилась в «Золотом якоре», а проснулся он в какой-то квартире в объятьях непотребного вида девицы и без гроша в кармане. Самое прискорбное – он не помнил ровным счетом ничего из того, что происходило у него с этой девицей – и за это ему было стыдно по сей день. После этой истории он две недели навещал по знакомству доктора Виктора Матвеевича, проверяясь, не подцепил ли ненароком дурную болезнь, и зарекся впредь так терять голову.

– Господа, прошу прощения. Я домой, – он неуверенно направился в прихожую. Там сидел явно нетрезвый Прошка – увидев директора, он встал и начал разыскивать его пальто.

Василий Саввич вышел следом за ним.

– Напрасно отказываетесь от поездки, – насмешливо сказал он. – Лоскутников сказал, в «Якоре» сегодня актеры гуляют...

– Нет, увольте, Василий Саввич, – развел руками Миллер. – Не могу-с.

– Ну тогда возьмите мое ландо. Мы все равно будем брать извозчиков.

– Хорошо, – с беспокойством подумав о деньгах, которыми были набиты его карманы, согласился Ксенофонт Ильич. – Весьма благодарен.

Всю дорогу до дома его нетрезвый мозг занимали разного рода шальные мысли. Он воочию представлял себе, как подвыпившая компания направляется в ресторан, как их встречает сам Филадельф Иванович, как они веселятся с актрисами... Ему захотелось оказаться там – и черт с ними, с деньгами.

Супруга Анна Мария допускала его в свою спальню теперь крайне редко, ему же зачастую хотелось всех тех безумств, которыми были озарены первые годы их брака. Годы шли, ощутимо увеличился животик, лысела голова, но сдаваться на милость возрасту он не намеревался. Однако ходить к девушкам легкого поведения он стеснялся: не в его положении было так рисковать репутацией. Завести приличную любовницу в маленьком городке также не представлялось возможным.

Слуга Василия Саввича помог ему сойти и постучал в двери. Минут через пять дверь открыла заспанная Марфа, в накинутах поверх ночной рубахи пальто.

– О господи, Ксенофонт Ильич. Все ли в порядке?

– Все хорошо, Марфа. Помоги мне подняться.

Поддерживаемый Марфой и стараясь не шуметь, он поднялся в кабинет. Долго ковылял в дверном замке, никак не попадая ключом. Марфа терпеливо ждала. Наконец он открыл дверь, упал на диван и пробормотал:

– Марфуша, принеси чайку.

– Сейчас. Я в кофейнике вскипячу?

– Да-да.

Для работы у него в кабинете стоял кофейник со спиртовкой. Марфа сбегала вниз за заваркой и булочками, накинув по пути домашнее платье. К этому времени кофейник начал уже шуметь. Ксенофонт Ильич, лежа на диване, наблюдал за действиями служанки.

– Марфа!

– Что? – обернулась она.

– Ты из какой деревни?

– Из Нюксениц, вы же знаете.

– А, ну да. И что у вас там, хорошо живется?

– Было бы хорошо – не поехала бы в город. Бедно. Ну, если мужик в доме справный, то живется кому-то. А у нас папку в турецкую ранили, еле ходит, да детей полон дом. Куда уж там. Все, кто постарше – в людях.

– А жених-то у тебя есть?

Марфа покраснела.

– Что вы. Какой жених. Я ж сызмальства у вас. А в городе кто на меня посмотрит...

– Вон что. Ну-ка, иди-ка сюда.

– Что это вы? – глаза Марфы расширились, но она послушно подошла к дивану. Он сел и молча запустил руку ей в вырез платья. Марфа охнула, отшатнулась, но не стала сопротивляться. Он ошутил под рукой упругость груди, мокрой от пота. У него перехватило дыхание – Марфа была некрасива, но от нее пахло возбужденной женщиной.

– Барин, не надо..., – прошептала она. Он повалил ее на кровать, задрал подол платья и нижней рубашки, схватился за заветное место. В комнате остро запахло. Его пальцы погрузились в мокрую мягкость – он возбужденно задышал, встал на колени на краю диван и начал судорожно расстегивать на себе одежду.

– Нет, нет, барин, я не могу... грех это..., – лепетала Марфа, глядя на него расширившимися от ужаса глазами и стараясь отодвинуться подальше.

– Замолчи, дура, – прикрикнул он на нее. Последнее, на что хватило его разума – взглянуть на дверь и убедиться, что она плотно прикрыта. Он навалился на Марфу, торопясь и путаясь в складках ее одежды.

– Ой, не надо, что вы, меня же барыня выгонит, – возбужденно прошептала служанка, зажмурив глаза. Он наконец нашел путь и замер на миг, глядя в ее глаза. Она завизжала от боли – он закрыл ей рот, больно вцепившись зубами в пухлые, пахнущие молоком губы...

* * *

Леночка больше не могла этого терпеть. Ей нужно было с кем-то поделиться своими чувствами, которые распирала ее, как весенний листок распирает почку.

С маман говорить было бесполезно – она либо обсмеяла бы ее, либо, что вернее, впала бы в совершенную истерику и заперла ее дома. Говорить с отцом – тем более бесполезно, он прочитает нотацию и отправит ее к матери.

Оставалась Верочка. Конечно, она подвергнет ее остракизму и насмешкам. Однако терпеть более было невозможно, а подруга хотя бы выслушает ее до конца. От любви не спасали даже тайные походы в кондитерскую лавку – к тому же Леночка заметила, что на нервной почве у нее изрядно увеличилась талия. Да и карманные деньги как-то неожиданно быстро подошли к концу.

Разговор с подругой состоялся после занятий. Они уединились в парке, посетив предвзительно все ту же кондитерскую лавку. Осторожная Верочка, впрочем, заходить туда отказалась наотрез, лишь ссудив подругу деньгами. Взяв полфунта пастилы, они уселись на лавочку.

Леночка несколько раз шумно вздохнула. Верочка смотрела на нее с нескрываемой иронией, нервно теребя перекинутую на грудь косу. Наконец подруга не удержалась:

– Ну? Кто он?

– Кто? – испуганно спросила Леночка.

– Твой возлюбленный.

– А откуда ты...

– Не смей меня. У тебя же на лице это написано. Заглавными буквами. Вот такими, – Верочка развела ладони на добрый аршин.

Леночка замолчала. Ее лицо покрылось красными пятнами, ярко выделяющимися на фоне светлых кудрявых волос.

– Ну давай, рассказывай.

– Это... учитель. Андрей Евгеньевич.

Вопреки ее ожиданиям, Верочка не рассмеялась. Она внимательно посмотрела в глаза Леночки и покачала головой.

– Надо же. Ты меня удивила. Я думала, офицер какой-нибудь. Или кадет.

– Я так влюблена... я целыми днями о нем думаю. И ночами.

– И что ты будешь делать?

– Не знаю. Я просто теряю дар речи, когда вижу его. Я не могу его видеть... и не могу не видеть...

– А если сказать ему правду?

– Нет, что ты! Я скорее умру.

– Хочешь, я сделаю так, что он узнает?

– Нет! Тогда я точно умру. От стыда. А... как ты это сделаешь?

– Ну, допустим, письмо ему напишу. От незнакомки.

– Анонимка? О, нет. Он подумает, что это я написала. И вообще. Это отвратительно и бесчестно.

– Ну тогда сама приди к нему. И скажи прямо о своих чувствах. Или... на уроке. Вы же занимаетесь с ним уроками?

– Да. И это ужасно. Я его не увижу еще три дня... Но я никогда ему это не скажу. Я не смогу.

Леночка разрыдалась и не видела, как подруга смотрит на нее – с завистью, любопытством и интересом.

* * *

Ниночка не спала всю ночь. Она вновь и вновь вспоминала и повторяла в голове произошедшее на пороге дома Андрея Евгеньевича. Ей казалось, что она провалилась в глубины грехопадения, поставив крест на всей своей репутации.

Она не знала, как пойдет в гимназию, как встретит его, посмотрит в глаза. Это было невозможно. Она чувствовала, что, встретив учителя, не сможет не покраснеть, а то и расплакаться от избытка чувств.

Ниночка уже была готова совершенно не ходить сегодня в гимназию, сказавшись больной – однако подумала, что Андрей Евгеньевич сочтет это трусостью. Но стоило ей, в муках и терзаниях, выйти на улицу, и весеннее солнце как рукой сняло все дурное настроение. От первых прикосновений теплых лучей к губам и щекам она вдруг оживилась, вспомнила, как это было чудесно – то, что происходило там, в его небольшом доме. И в душе ее снова, как вчера, запели соловьи.

Им удалось встретиться только после второго урока. Первую перемену Нина просидела в классе, как мышка, боясь даже выглянуть наружу. Девочки почувствовали, что с учительницей происходит что-то не то, и вели себя тихо. Лишь на втором уроке Ахатова и Миллер так громко перешептывались, что обоснованно получили от нее линейкой по спинам. Отчего, впрочем, вовсе не угомонились.

На второй перемене она так захотела в туалет, что более не могла терпеть. Выскочив из кабинета, она почти бегом направилась к дамской комнате. И тут прямо на нее из-за угла вышел учитель.

«Господи, караулil он меня, что ли», – подумала она, молча кланяясь ему и норовя проскочить мимо. Андрей Евгеньевич, однако, оглянулся по сторонам и внезапно преградил ей путь.

– Доброе утро, Нина Григорьевна. Как спалось?

– Спасибо. Вашими э-э-э молитвами.

Ей вдруг стали смешны церемонии, которые они принялись разводить, и она прыснула. Улыбнулся и он.

– Вы вчера м-м-м... книгу у меня забыли. Не хотите ли сегодня забрать?

Ниночка открыла рот, чтобы отказаться, но не смогла произнести ни звука. Андрей Евгеньевич испытующе смотрел на нее.

– Да, – неожиданно для себя сказала она. – Когда?

– Когда вам удобно. Я все послеобеденное время дома. Допоздна, – многозначительно добавил он.

Ниночка кивнула и почувствовала, что к нее сейчас станут мокрыми панталоны. Она сделала книксен – учитель шагнул в сторону и пропустил ее. На бегу Ниночка огляделась – нет, их разговор, кажется, остался без нежелательных свидетелей.

Уже посреди урока она вдруг вспомнила, что ей нужно явиться в жандармское управление. Это было и кстати, и некстати. Нина была столь увлечена учителем, что всерьез опасалась за свою честь и необратимые последствия этого. Она прекрасно отдавала себе отчет в том, что, будучи в гостях у учителя, вряд ли сможет в последний момент сказать достаточно решительное «нет». А визит к жандарму был отличным поводом для того, чтобы вовремя уйти от Андрея. С другой стороны, ей хотелось быть с ним постоянно...

Визит к учителю, однако, едва не сорвался. После уроков ее вызвала к себе Жаба и приказала срочно написать отчет для министерства. Отказаться не было никакой возможности: в гимназию приезжал с проверкой какой-то высокий чин, и все руководство было на нервах.

С отчетом она провозилась долго. К тому же Нина страшно проголодалась – с утра из-за нервов она забыла даже выпить чашку чая. Время поджимало – но идти в таком безобразном состоянии к учителю она не могла.

Ниночке пришлось сначала дойти до дома. По дороге она купила расстегай и едва не истекла слюной, вдыхая аромат стерляди. Добежав домой, она вдруг поняла, что совершенно мокрая от пота. Пришлось раздеваться, мыться, потом есть расстегай. В итоге она провозилась до четырех часов.

Кляня себя за нерасторопность, она наконец вышла из дома. Приближался вечер – холодало, она сразу поняла, что оделась не по погоде. Однако возвращаться было некогда.

Ее ждали. Она не узнала комнату: в ней было прибрано, на столе пусто. Куда-то исчезли все бумаги и приборы, белела скатерть. Посреди стола стояли цветы.

– Ой, – она остановилась в нерешительности на пороге. Встречавший ее Андрей Евгеньевич улыбнулся и взял под локоть.

– Проходите. Будем пить кофе?

– Да, – Ниночка посмотрела на него, как на совершенно незнакомого человека.

До кофе, однако, дело не дошло. Она не успела подойти к столу, как мужские руки обняли ее сзади, и она забыла обо всем. Забыла даже подумать о том, что ее впервые в жизни, и как-то очень крепко, схватили за грудь – что ей очень понравилось...

* * *

Ксенофонт Ильич опоздал в гимназию. По счастью, у него не было уроков – но над учебным заведением нависал визит министерской инспекции, и дорога была каждая минута. На свою удачу, собрание попечительского совета он назначил на субботу.

Он так и ночевал в своем кабинете, на голом диване. Ломило голову, тошнило, ноги и руки как будто выкручивало на дыбе. Болело справа под ребрами. Во рту был отвратительный привкус металла.

Ему было невероятно стыдно за вчерашнюю пьянку и за то, что он сделал с бедной деревенской девушкой. Он бы ничуть не удивился, если бы она наутро уволилась от них. В том, что она будет молчать, он не сомневался – она работала у них много лет и ни разу не подвела его.

Впрочем, он ошибся. Марфа не ушла. На его стоны она заглянула в кабинет и, не подавая виду, что вечером у них что-то было, спросила:

– Доброе утро, Сенофонт Ильич. Подать рассол? Или водки?

Он неопределенно махнул ей рукой. Девушка исчезла и через минуту появилась с подносом. Он выпил стакан рассола, откинулся на спинку дивана. Полегчало почти сразу. Он внимательно посмотрел на служанку, уже сомневаясь, было ли что-нибудь, или ему померещилось. Однако лицо ее было припухшим и заплаканным – скорее всего, они действительно согрешили.

«Может, и правда водки дернуть», – подумал он. Как будто прочитав его мысли, Марфа подала ему рюмку и огурец. Опохмеляться он всегда считал простонародным и невоспитанным – но голова буквально раскалывалась. Он понюхал жидкость – его передернуло. Зажав нос, выпил рюмку – водка прокатилась по пищеводу и блаженным теплом растеклась по телу. Стало лучше, в голове начала образовываться стеклянная легкость, хотя его самого еще слегка мутило.

– Я перебрал вчера, – извиняющимся тоном сказал он. Марфа кивнула, потом пожала плечами. На глазах ее показались слезинки. Ксенофонт Ильич поморщился, потом встал, подошел к пиджаку, висящему на вешалке. Пошарил в карманах, выудил рубль с профилем императора Николая Александровича, протянул Марфе. Она покраснела, отрицательно покачала головой. Слезы из ее глаз потекли ручьем.

– Бери. Я же от всей души, – недовольно сказал директор.

Она схватила монету и, неуклюже споткнувшись на пороге, выбежала за дверь. Ксенофонт Ильич посмотрел ей вслед, и его вдруг охватило сильное желание. Он неодобрительно покачал головой и подумал, что до добра его это не доведет. И служанку тоже.

Марфа забыла на столе графин и огурцы. Подумав, он решил, что это судьба, выпил еще рюмку, после чего начал собираться в гимназию. От него наверняка пахло, как от грузчика – но зато на душе полегчало. Теперь можно было разбираться и со гимназическими делами.

Выходя из дому, он наткнулся на супругу. Та только встала и еще была в утреннем пеньюаре. Стараясь не дышать, он чмокнул ее в щеку и сказал:

– Буду поздно. Ждем инспекцию. И завтра тоже...

Скорее всего, она все-таки почувствовала запах, так как пристально посмотрела на него и чуть помедлила с ответом. За многие годы супружества Ксенофонт Ильич выучил мимику супруги наизусть. Однако она не сделала ему никакого замечания.

– Конечно, дорогой. И не забудь – в воскресенье прием у Александра Александровича.

– Да, я помню.

Визит к губернатору казался супруге необычайно важным, и она готовилась к нему с самого момента получения конверта, в котором лежал картонный квадратик с приглашением. Анна-Мария считала себя дамой светской, и необычайно страдала как от провинциальности вологодского общества, так и от отсутствия пышных балов и приемов. Вернее, от их большой редкости.

Она неоднократно намекала супругу, что по их статусу им нужен гораздо больший дом с залой для приема гостей – и его отщучивания по этому поводу воспринимались ей со все большим неудовольствием.

Иногда ему казалось, что она родилась не в ту эпоху, и самое место ей было бы при каком-нибудь елизаветинском дворе. И желательно без него.

* * *

Ниночка едва вырвалась от Андрея Евгеньевича. Если бы не часы у него на стене, стрелка которых неумолимо приближалась к шести, она бы, наверное, забыла обо всем на свете и осталась у него до утра. Слишком уж блаженно было лежать в его объятьях и отбиваться от его непрекращающихся попыток забраться ей под кофточку.

Конечно, только неопытность Андрея Евгеньевича в деле расстегивания женской одежды помешала ей расстаться с невинностью в этот вечер. Однако тот путался в застежках, завязках и крючках, а ей было страшно и томительно, и она не давала ему продвинуться дальше определенной границы. Он измял ей всю грудь и бедра, привел в полный беспорядок юбки, а уж на что были похожи ее губы – об этом ей было страшно даже подумать.

Она не сказала ему, что идет в жандармское управление. Соврала, что дела в гимназии – всех учителей лихорадило перед инспекторской проверкой, и повод был весомым. Связываться с Жабой не хотелось никому – как, впрочем, и подводить милого Ксенофонта Ильича.

Она посмотрелась в зеркало и ужаснулась. Красные пятна во все лицо, распухшие губы, сверкающие счастьем глаза, растрепанные волосы. Красивая картинка, как раз для жандармского начальства.

Нина решительно выгнала учителя в другую комнату и как могла быстро привела себя в порядок. Хуже всего было с волосами – они куда-то загнулись и нелепо торчали. Вечером она накрутила их на папильотки, чтобы получились локоны, и теперь они цеплялись друг за друга, образуя ералаш.

Наконец она собралась. Быстро чмокнула Андрея Евгеньевича в щечку, выскочила на улицу и тут сообразила, что вряд ли успеет дойти пешком. Да еще и в том растрепанном

состоянии, в котором она пребывала. Пришлось потратиться на извозчика – благо один из них как раз проезжал мимо.

В жандармском управлении ее явно не ждали. Усатый урядник, восседавший за столом сразу за входом, с сомнением воззрился на нее и спросил:

– Барышня, вы по адресу зашли?

– Да. Простите, я... мне...

– А-а-а... К Прокопию Михайловичу, надо полагать?

– Да. Именно к нему.

– Ну проходи. Знаешь куда?

Ниночку покорила разом образовавшаяся фамильярность урядника, но она не стала возмущаться.

– Нет.

– Наверх и направо. Там написано на двери.

Ниночка поднялась по крутой лестнице. Мимо проходили какие-то люди в форме, с саблями, револьверами и в усах, не обращая на нее никакого внимания. Большую дверь с табличкой она увидела сразу. Неуверенно постучала.

– Войдите! – рявкнули из-за двери. Ниночка испугалась, потянула дверь на себя. Селедцов, увидев ее, расплылся в улыбке.

– А-а-а, вон кто там. Проходите. Ждал-с. Вот сюда, пожалуйста, – он показал ей на неудобный стул, стоящий напротив стола.

Ниночка села, поджала ноги, прижала к груди ридикюль. Жандарм сел напротив нее, уставился немигающим взглядом куда-то ей в переносицу. Она испугалась еще больше.

– Ну-с, – постукивая пальцами, сказал он. – Будем говорить?

– О чем? – даже привстала от удивления Ниночка.

– Сидеть! – заорал на нее жандарм. Нина потеряла дар речи и плюхнулась на стул.

– Все говори! Связи, с кем общаешься, как живешь, с кем спишь.

Нина растерялась и заплакала.

– Я... я ничего.. я ни с кем...

Жандарм внимательно смотрел на нее.

- Где живешь?
- Квартиру... комнату то есть... снимаю.
- Адрес?
- Екатерининская, 17.
- Кто хозяйка?
- Глафира... Карнаухова.
- Понятно. Хахаль есть?
- Кто?
- Мужик есть у тебя?
- Н-н-нет...

Селедцов понимающе покачал головой. Потом встал, обошел ее сзади. Она повернула голову – он снова рявкнул:

- Сиди, не дрыгайся, пигалица!

Она послушно повернула голову обратно к столу, ощутив себя напроказившей ученицей начальных классов. Внезапно он схватил ее за волосы и запустил руку за вырез платья. Ниночка ахнула, но было поздно – грубые пальцы уже мяли ее грудь.

- Вы что...
- Сидеть, сказал!

Ниночка замерла. Ее охватило странное и неведомое доселе ощущение – ей было одновременно стыдно и боязно, но хотелось, чтобы жандарм продолжил мять ее грубыми и уверенными руками. А он хозяйничал там, как у себя дома – насколько позволял ему корсет. Это нельзя было даже сравнить с робкими, хотя и нахальными, действиями Андрея Евгеньевича, который боялся причинить ей боль и обидеть ее.

Жандарм тем временем задрал ее голову и впился губами в ее губы. Она ощутила резкий запах табака, водки и чего-то еще – она не могла сформулировать, чего, но это был совершенно мужской запах, от которого у нее мурашки бежали по спине. Ничего такого с Андреем Евгеньевичем она не чувствовала.

– Хороша барышня! На заглядение! – с удовлетворением констатировал жандарм, снова садясь за стол. Он на минуту задумался, листая перекидной календарь. Она сидела, красная и растрепанная. Ей даже как-то не пришлось в голову привести себя в порядок.

– В общем, так, девица. Сегодня у нас пятница. Во вторник жди в гости. Вечерком. Все, иди, свободна. Пока что.

Ниночка кивнула и вышла из кабинета. Только тут, в коридоре, она поняла, что сердце ее колотится с бешеной скоростью. «Господи... что делать-то?» – в такт сердцу стучала в голове единственная мысль.

* * *

Леночка совершенно извелась. Она не спала ночью – ее мучили видения. Это были то кошмары, то, напротив, снился Андрей Евгеньевич. Он бегал за ней по лесу, догонял, обнимал, и ей делалось так сладко, что хотелось кричать... но потом она снова проваливалась в кошмар.

Было жарко: Марфа, боясь, что она простудится, заперла окно. Леночка откидывала одеяло – но тогда становилось холодно. Наконец она встала, распахнула окно и замерла, любуясь звездным небом. Ей захотелось, чтобы сейчас рядом с ней стоял он – нежно обнимая ее за плечи, готовый защитить от всех бед...

Леночка подумала, что даже согласилась бы за него замуж. Ах, это должно быть так красиво: она, в белоснежном платье, и он, в строгом костюме, идут к алтарю. Плачущая от счастья маман. Строгий, но еле сдерживающий слезы радости отец... Потом она представила, как они живут вместе. У них прислуга – конечно, не такая дура, как Марфа, а вежливая, из немцев, подает разные блюда. Они вместе завтракают, потом вместе идут в гимназию. Вместе возвращаются, и до позднего вечера обнимаются и целуются...

При этих мыслях Леночку охватило смятение. Она никогда в жизни не целовалась, хотя это действие часто обсуждалось среди учениц гимназии. Иногда обсуждалось и нечто иное – от чего было мучительно стыдно и не менее мучительно любопытно. Впрочем, говорилось об этом настолько иносказательно, что все равно ничего не было понятно. Пугали лишь взрослые слова – *adultere, amant, doux pesche*...

С этим нужно было что-то делать. Она залезла на подоконник с ногами, как делала в детстве. Внизу виднелась темная улица. Она слышала, что в Петербурге даже ночью на улицах кипит жизнь, горят огни, ходят люди. Даже ездят автомобили. У них же – темнота, тишина, никакого движения.

Ей смертельно хотелось окунуться в ту светскую жизнь, о которой она читала в книжках. Вот бы действительно выйти замуж за Андрея Евгеньевича – он наверняка станет большим ученым, будет работать в столице. А она будет такой важной женой большого ученого...

Несмотря на трагизм ситуации, она рассмеялась, представив себя толстой напыщенной дамой. Нет, до такого она не опустится никогда. Но ситуацию нужно было как-то менять. Менять в корне. Жить так дальше было нельзя.

Она слезла с подоконника, в свете луны нашарила веревку, которой Марфа подвязывала гардины. Сделала петлю, надела на шею. Содрогнулась от мерзкого прикосновения жесткой веревки к нежной коже. Потом натянула петлю.

Она представила, как ее найдут утром – холодную, с закатившимися глазами, совсем мертвую. Как она будет лежать с руками, скрещенными на груди, на столе в гостиной, и тут войдет он – как изменится в лице, упадет на колени и начнет целовать ее ледяные губы...

Нет, это уж чересчур. Бррр. Ей вовсе не хотелось быть совсем мертвой. Вот встать потом и воскреснуть – это гораздо интереснее.

А Верочка, пожалуй, в чем-то права. Нужно признаться. Внести ясность. Наверное, смелым и честным поступком будет просто подойти к нему и все сказать. Но как это сделать? В гимназии? На виду десятков глаз? Нет. Она не хотела стать легкой добычей для сплетен и слухов. К тому же для дочери директора гимназии это совершенно недопустимо.

На домашних занятиях? Но в доме эта противная Марфа, которая вечно лезет, куда ее не просят. К тому же часто бывает маман, а она всегда любит входить без стука. Прекрасная была бы картина – например, она сидит у него на коленях... нет, лучше он стоит перед ней на коленях, и тут входит маман... Ужас. Лучше повеситься.

Пожалуй, стоит придти к нему домой. Это, конечно, далеко не самый скромный поступок для гимназистки, но зато это достойный поступок. И, главное, в своем доме он никуда от нее не денется. Не выставит же он ее за дверь?

* * *

Ксенофонт Ильич торжествовал. Собрание попечительского совета прошло с блеском. Он ораторствовал, Вильгельмина Ульриховна помалкивала, члены совета благосклонно принимали его предложения и новшества.

Что его немало удивило – было принято и его осторожное предложение о некотором увеличении финансирования. Конечно, от членов совета зависело не все – но многое. В первую очередь, конфиденциальная информация, которая будет доведена до губернатора, а то и повыше. Жаль, конечно, что губернатор не состоит в попечительском совете – но завтрашний прием, вполне возможно, изменит и это упущение.

После совета Ксенофонт Ильич по традиции пригласил всех попить чаю и попробовать торты, испеченные гимназистками. Народ не спешил расходиться – торопиться было некуда. Мужчины степенно обсуждали последние новости – всех волновал Кишиневский погром, и вопрос, не перекинутся ли волнения на другие области страны. Дамы в сторонке щебетали про какие-то свежие светские сплетни из городской и столичной жизни.

На совет не пришел Лошиц, и Ксенофонт Ильич волновался – он не знал, будет ли сегодня игра. Обычно по субботам не играли – большинство ходило к заутренней службе, а идти туда нетрезвому и после игры было как-то нехорошо. Но у него зуделось – даже день без игры стоил ему немалых волнений.

К счастью, вскоре к нему подошел купец Колесников, игравший редко, но, что называется, метко, то есть по-крупному. Сделав многозначительные глаза, он прошептал:

– А не угодно ли сегодня в картишки перекинуться?

Ксенофонт Ильич с трудом сдержал свою радость и непринужденно спросил:

– Где собираетесь? И кто будет?

– А у Антона Ивановича. Как обычно. Он приболел, к заутренней не пойдет, но пригласил, если кто желает. Будете?

– Да, пожалуй, – как можно небрежнее сказал Ксенофонт Ильич. Внутри у него все пело. Главное – что у него появился запас на крупную игру. Досаждало лишь то, что игроки стали для него мелковаты. Ему хотелось многотысячных ставок. Вот если бы в столицу...

– Тогда часам к девяти вечера приезжайте, будьте любезны. Может, кто еще подойдет. А нет – так и втроем посидим.

Вернувшись с совета домой, Ксенофонт Ильич весь вечер не находил себе места. До игры оставалось еще три часа. Супруга где-то отсутствовала, Леночка отпросилась к подруге Вере. Он попытался почитать – но на ум шли только карты. Он пересчитал деньги, которые брал с собой – полторы тысячи на ассигнации аккуратно уместились в три ровные пачки и легли во внутренние карманы пиджака. На всякий случай он взял столбик имперIALов – зарекшись к ним прикасаться. «Для уверенности», – констатировал он.

Время текло мучительно медленно. «Надо было остаться в гимназии – нашел бы себе работу», – вяло подумал он. Организму хотелось встряски, эмоций – вместо этого он лежал в кресле и бессмысленно смотрел в потолок.

«А может, рюмашку?» – пришла в голову мысль. Минут через пять эта мысль окрепла и превратилась в уверенность.

– Марфа, – крикнул он. Девушка протопала по лестнице и появилась в дверях.

– Приготовь чай, пожалуйста. Да себе тоже налей.

Марфа молча кивнула и направилась на кухню.

– Марфа, – снова окликнул ее он. Она молча остановилась.

– И зубровочки захвати.

С тех пор, как у них произошло это, их отношения изменились. Она начала сторониться его, перестала шутить. Он заметил, что у нее ввалились глаза и обострились скулы – это делало ее если не красавицей, то достаточно интересной.

Марфа принесла чай, бутылку и рюмку. Поставила все на стол, сказала:

– Сейчас закуску принесу.

– Не надо. А что себе чай не налила?

– Не хочу я, спасибо вам.

– Тогда вторую рюмку носи. Выпьешь со мной.

– Водку-то, что ли? Не буду я. Это для мужиков забава.

– Неси, говорю, не спорь со мной! – прикрикнул на нее он. Его веселила эта игра, как и ее неспешные деревенские рассуждения.

Марфа принесла вторую рюмку и с напряженным видом встала рядом со столом. Вместе с рюмкой она принесла тонко порезанное сало, несколько огурцов и черный хлеб. Ксенофонт Ильич разлил водку, кивнул служанке:

– Пей.

Марфа послушно взяла рюмку, вылила в рот и зажмурилась. Потом вытаращила глаза, замахала руками и стала хватать ртом воздух. Ксенофонт Ильич усмехнулся, выпил сам, подцепил вилкой огурец и сказал ей:

– Ты чего? Закусывай давай.

Марфа захрустела огурцом. Ее лицо разругалось, глаза заблестели.

– Ты что, раньше водку не пила, что ли? – удивился Ксенофонт Ильич.

– Нет. Бражку только, да и то пока тятка не видит. Один раз увидел, так оглоблей отходил, едва не убил.

– Ну, он прав был, наверное, – поразмыслив над дикостью деревенских нравов, констатировал директор. Потом представил Леночку, пьющую водку, и в глубине души согласился с непростой жизненной позицией отца Марфы.

– А сам-то отец пьет?

– А как же, – сказала Марфа. – Иной раз так напьется, что стоять не может. То с коровой спать ляжет, то вообще на дворе. Отмывай его потом от говн-то. Зато не дерется. И то, как драться-то, если на ногах не стоишь.

– Хороший человек, – заключил Ксенофонт Ильич. – Ну, давай по единой.

– Ой, нет, мне хватит, у меня уже в голове шумит.

– Не спорь со мной! – снова прикрикнул Ксенофонт Ильич. – Я тебе не отец, но по филейным частям быстро налажу.

Марфа замолчала, залпом выпила вторую рюмку и так же замахала руками. Ксенофонт Ильич засмеялся:

– Закусывай, дурочка.

– А чего я госпоже Анне скажу? – вдруг опомнилась Марфа.

– Ничего не скажешь. Не будет же она тебя нюхать.

Ксенофонт Ильич весело хмыкнул, представив, как чопорная Анна Мария обнюхивает прислугу. Впрочем, от супруги вполне можно было ожидать и этого.

– Иди-ка сюда, – он притянул ее к себе и силой усадил на колени. Она уперлась руками ему в грудь, яростно замотала головой:

– Нет, нет. Не могу я. Грех это великий.

– Глупости. В тот раз смогла – и сейчас сможешь.

Она неожиданно обмякла и опустила голову ему на плечо. Он понял, что девушка плачет. На миг его сердце уколола жалость, но похоть пересилила.

– Ну-ка, скидывай свои юбки, – сказал он.

* * *

Ниночка казнила себя за то, что не договорилась о визите к Андрею Евгеньевичу заранее. Ей почему-то казалось, что у нее будет время как будто случайно столкнуться с ним в коридоре и перемолвиться словечком. Но наступила суббота, с ним она так и не встретилась, и с самого утра не находила себе места.

Целых два дня без него. Ей это показалось кошмаром. Еще какую-то неделю назад она легко обходилась без него сколько угодно долго – и вдруг такая перемена...

Это было какое-то мучительное, тянущее ощущение во всем теле. Хотелось чувствовать его руки, его губы... она знала, что стоит на краю грехопадения, но ей казалось, что весь мир может идти к чертям, когда у нее такие чувства.

Она не могла придти к нему домой без приглашения. Конечно, они были близки – очень близки. Она никогда не была ни с кем настолько близка. Но нарушить все основы морали и заявиться домой к мужчине без повода, без приглашения, движимая только страстью... нет. На такое могла быть способна только совершенно падшая женщина.

Ниночка промучилась до обеда. Впрочем, ни обеда, ни завтрака у нее не было – в горло ничего не лезло. Она могла только мечтать, страдать и иногда плакать. С трудом она уговорила себя на жидкий чай и сухарик. Хозяйка, по счастью, была занята какими-то делами и не отвлекала ее.

Ей нужно было проверять тетради, которые для экономии времени она взяла домой вопреки гимназическим правилам. Еще она собиралась почитать – но в голову ничего не шло, кроме навязчивых мыслей. Наконец она поняла, что сойдет с ума в этой небольшой комнатке. Надо было погулять.

Неожиданно Ниночка поняла, что одевается нарядно, как на свидание. В принципе, да – она вполне могла случайно встретить и Андрея Евгеньевича. Не такой уж и большой у них город. Она еще не решила, где будет гулять, но вполне допускала, что окажется где-нибудь неподалеку от Никольской.

Так оно и случилось. Ноги сами понесли ее к Верхнему посаду. Чем ближе она подходила к его дому, тем сильнее билось ее сердце. Она поймала себя на том, что уже не гуляет, а почти бежит – и лишь усилием воли заставила себя умерить шаги.

Он непременно должен был заметить ее из окна и пригласить к себе. Но этого не случилось. Она прошла туда-сюда раз десять, вызвав, наконец, изумление дворника, лениво елозившего метлой по тротуару. До нее дошло, что это глупо. Вполне может быть, что его вовсе нет дома – например, он сидит в библиотеке. Или с кем-либо встречается... с кем?

Сердце Ниночки уколола ревность. «Боже», – подумала она. «Вокруг него так много красивых девушек...»

Бегать дальше по улице было невозможно. Она медленно пошла в сторону своего дома, глядя в немногочисленных прохожих. Зачем-то зашла в церковь, поставила свечку за здоровье маменьки. Подумала, поставила вторую – за него.

Вконец измотанная, она вернулась домой. Накапала бром, выпила и уселась проверять тетради. Внимание ее, однако, было рассеянным – она пропускала ошибки, потом спохватывалась, снова рылась в тетрадях, исправляла пропущенное и снова что-то упускала...

Во время очередного перелопачивания кипы тетрадок, из одной из них выпал листок. Ниночка развернула, посмотрела. Обычные девчоночьи картинки, сделанные от скуки во время урока – ангелочки, вензеля, четверостишия. Сама когда-то рисовала такое в гимназии, да и в институте тоже, особенно на скучных лекциях. Она уже хотела отложить листок, как что-то в нем привлекло ее внимание.

Сначала она не отдала себе отчет, что это. Но, приглядевшись, увидела среди разного рода цветочков-бантиков вензель: АЕЛ. И под ним надпись четким, взрослым почерком: «*Omnia vincit amor et nos cedamus amori*».

Вспомнить, что ни у кого из ее учениц нет инициалов АЕЛ, было делом пары минут. Зато она прекрасно знала, у кого из учителей такие инициалы. Нина повертела листок в руках, внимательно посмотрела все надписи, вензеля и рисунки. Да, все признаки сильной влюбленности были налицо. Или даже сильной любви.

Она не могла с ходу сообразить, у кого из учениц такой красивый и в то же время порывистый почерк. Однако найти ответ на этот вопрос было легко: все образцы почерков были перед ней, в стопке тетрадок. Она отложила в сторону тетради учениц младших классов и принялась за старших. В восьмой по счету открытой ей тетради Ниночка увидела знакомые угловатые буквы.

Она уже знала ответ. Но все-таки замерла, вздохнула и повернула тетрадь обложкой вверх. Тем же почерком было выведено: Елена Ксенофоновна Миллер.

* * *

Играли в тот вечер в непривычной компании. Из знакомых были только Колесников и Лощиц. Был еще адвокат Жданов, про которого Ксенофонт Ильич слышал разное и по большей части компрометирующее. Чуть позже пришел знакомый Жданова, Борис Викторович, странный худощавый человек демонического вида с какими-то взвинченными манерами.

Ксенофонт Ильич был в превосходном настроении. Развратное приключение с Марфой придало ему бодрости и самоуверенности. Однако карта не шла.

Сначала Ксенофонт Ильич выигрывал по маленькой. Лощиц действительно болел, играл лениво, не рисковал. Колесников, как обычно, нервничал, ставил то по десять, то по сто, сбивая всех с толку. Один лишь молодой Борис Викторович оказался настоящим игроком – с неприцаемым лицом он ставил на разные карты, явно соблюдая какую-то систему и регулярно выигрывая – хотя и понемногу.

Своей игрой и внешностью он сбивал Ксенофонта Ильича с настроя. Тот пытался отследить, по какой системе играет юноша, но делать это одновременно с игрой было неудобно. Было бы хорошо взять бумажку и записать карты Бориса Викторовича, чтобы поразмыслить над ними, однако это было неприлично. Главное, что в штосс в принципе, чисто математически, не могло быть никакой системы, и этот вопрос его чрезвычайно нервировал.

Ближе к полуночи Ксенофонт Ильич стал проигрывать. У него упало настроение – хотелось выпить, было душно, жгло раскаяние за то, что он сделал с Марфой. К тому же у него опять заболело справа под ребрами – он непроизвольно трогал себя за выпирающий живот, стараясь не морщиться.

В то же время азарт брал свое: смотреть, как деньги исчезают в карманах других игроков, было невыносимо.

Он попросил у Лощица водки. Вечно заспанный Прошка принес графин. Одному пить было неудобно – он предложил остальным. Согласился лишь Жданов. От водки, однако, настроение не улучшилось. Игра – тоже. Но боль в печени утихла.

В какой-то момент Ксенофонт Ильич понял, что его карманы пусты. Кто именно выиграл все его деньги, он даже не понял. Отуманенный алкоголем мозг требовал продолжать играть – но играть было не на что. Наконец он эффектным жестом вытащил последнюю стопку империалов, упакованную в бумагу. Игроки многозначительно подняли брови.

Империалов, однако, тоже хватило ненадолго. Кончились и они. Опустошенный материально и душевно, Ксенофонт Ильич встал, пошатнулся и упал обратно.

– Я посижу немного в сторонке, господа. Играйте без меня.

Он чуть не заснул, кляня носом и пытаясь проявить в себе заинтересованность к игре. Ему было неприятно, что он надрался до такого состояния и это видят окружающие, но встать и пойти домой не было сил.

Домой его довез Колесников. Ксенофонт Ильич, шатаясь, поднялся по ступеням крыльца, стукнул в дверь. Потрепал открывшую ему дверь Марфу по щеке, с трудом поднялся в кабинет и, не раздеваясь, уснул.

* * *

Леночка зашла к подруге после экскурсии. День был выходной, но классная дама повела их к Спасо-Прилуцкому монастырю. Поначалу Леночка и Верочка с интересом слушали про старинную архитектуру, но затем захотели есть и вообще устали, а потому увлеклись собственной беседой.

Беседа постепенно перешла в столь интересную плоскость, что Леночка была ввергнута в краску и полнейшее смущение, а Верочка пригласила ее к себе в гости, заверив, что дома ни одной живой души, за исключением служанки. А так как та была на редкость молчалива и к тому же чухонка, так что, можно сказать, что ни души и не было.

За свою болтовню к концу экскурсии они получили от классной дамы целых два внушения, и очень надеялись, что к завтрашнему дню она по рассеянности забудет доложить об этом Жабе. Монастырь был далеко – подходя к дому Верочки, они уже с трудом передвигали ноги. Спросив у служанки чаю с булочками, они забрались с ногами на широкую кровать Верочки и продолжили болтать. Само собой, речь шла о мужчинах.

Верочка знала об этой стороне жизни гораздо больше всех остальных. Ее отец был врачом, практиковал, в том числе, на дому, и Верочка часто рассказывала о разных смешных или жутких случаях, которые тайком подслушивала из разговоров отца с пациентами.

Леночке такое подслушивание казалось гадким, однако она, краснея и смущаясь, с каким-то животным наслаждением слушала рассказы Верочки. Они приоткрывали завесу тайны над удивительным и непознанным миром взрослых.

Сейчас она рассказывала Леночке, как устроены мужчины там. Леночка не предполагала, что это настолько ужасно, и не до конца верила подруге. Наконец, убедившись, что служанка занята своими делами, Верочка проскользнула в кабинет к отцу и вышла с толстенной книгой в дерматиновом переплете. Это был анатомический атлас.

Увиденное поразило Леночку до глубины души. Она сидела, красная как вареный рак, и все пыталась сопоставить увиденное на картинке с теми приличными мужчинами, с которыми сталкивалась в жизни. А Верочка, увлекшись, открыла рисунок разрезанной пополам женщины и принялась с увлечением объяснять, как происходит то таинство, после которого рождаются дети.

Это было настолько невыносимо, что Леночка не выдержала. Она упала лицом в подушку и громко разрыдалась. Ошеломленная Верочка молча гладила ее по голове, а Леночка все плакала, думая о том, как низко должен пасть человек, чтобы променять чистую одухотворенную любовь на грязную скотскую похоть.

Наконец она повернулась к подруге и озадаченно сказала:

– Верочка. А если мы... я выйду замуж? Я тоже должна буду это делать?

– Конечно. Все это делают.

– Какой ужас...

– Знаешь, я летом ездила в деревню...

Верочка замолчала. Леночка знала, что подруга провела каникулы в деревне, а не в душном городе, но та никогда не рассказывала никаких подробностей.

– Так вот, там мне одна деревенская девочка рассказывала...

– Что? – глаза Леночки расширились от ужаса.

– Ну, что это очень приятно.

– Что? Это?

– Да.

– Как это может быть приятно?

– Ну, она говорила, что это только сначала противно. А потом очень приятно.

– А она откуда знает?

– Она...

– Что?

– Она это делала?

– Как??? Без венчания???

– Да. Это же деревня. Там... все не так. Гораздо проще.

– Боже. Надеюсь, что ты не...

– Нет, что ты. Господи. Конечно же, нет.

Леночка задумалась.

– Знаешь, я уже не хочу замуж. Или, может быть, я выйду за человека, который не будет это делать со мной.

Верочка рассмеялась. Потом внимательно посмотрела подруге в глаза, наклонилась к ее уху и сказала:

– Никому не говори только. Мне вот иногда хочется...

– Что?

– Ну... вот это.

– Боже! Нет! С кем?

– Не знаю. Знаешь, я иногда как будто чувствую, что меня берет сильный мужчина... за плечи, и я готова ему... все...

– Без любви?

– А если это и есть... любовь? Откуда мы знаем? И как мы можем судить, не попробовав?

Леночка ошеломленно молчала.

* * *

На прием к губернатору Ксенофонт Ильич прибыл в совершенно омерзительном расположении духа.

Собственно, он вообще не хотел никого видеть, и потому совсем решил было манкировать. Однако супруга была строга и настояла на своем. Поэтому, несмотря на головную боль, он все-таки надел парадную визитку, которую терпеть не мог.

Проснулся он поздно, наорал на Марфу, которая подвернулась под руку, неодобрительно отозвался о внешнем виде Леночки и наотрез отказался завтракать. Робкая попытка Марфы предложить ему рюмочку вызвала новый взрыв гнева.

Ксенофонт Ильич казнил себя за то, что проигрался. Его жизнь вдруг представилась ему черной дорогой, идущей в пропасть. Игра, водка, разврат со служанкой... он чувствовал, что катится по наклонной. А ведь у него такая чудесная семья...

Он дал клятву больше вообще не прикасаться к картам. Проблема была, однако, в том, что деньги позарез требовались на летний отпуск – а у него их не было. Конечно, были средства, отложенные в банк, но их могло не хватить. Было еще немаленькое жалование, но оно ему совершенно мизерным по сравнению со вчерашним проигрышем. Он вполне представлял себе вероятные желания супруги, которая окажется на европейском курорте, да и Леночка была большой любительницей пройтись по магазинам.

Пьянство также виделось ему черным пороком, ведущим к окончательному падению. В своей связи с Марфой он винил исключительно водку. Бегая по кабинету из угла в угол, он твердо решил больше не брать и капли в рот, в конце месяца рассчитать Марфу и даже, может быть, признаться во всем жене. Повинную голову, как известно, меч не сечет.

К губернатору они отправились на извозчике, что стало темой очередного неприятного разговора с супругой. Проигнорировав его жалобу на головную боль, она в очередной раз завела разговор о том, что по статусу им вполне полагалось бы собственное ландо или бричка.

Ксенофонт Ильич был категорически против: он не раз подсчитывал, что даже ежедневные поездки на извозчике обошлись бы вдесятеро дешевле, чем покупка и содержание упряжки.

У Лодыженского собрался весь цвет вологодского общества. Ксенофонт Ильич даже забыл о головной боли и ссоре с женой, раскланиваясь со старыми знакомцами. Некоторых из них он не встречал уже год-другой. Все-таки работа в гимназии чрезвычайно затягивала, лишая его значительной части интересной жизни.

С губернатором он не был знаком накоротке, хотя несколько раз встречался с ним на различных церемониях. Пару раз губернатор посещал их гимназию и чрезвычайно всем понравился простыми манерами и отсутствием высокомерия. Сейчас он лично поздоровался с Миллерами, причем поцеловал руку Анны Марии, к ее полному восторгу.

Вскоре позвали к ужину. Ксенофонт Ильич оказался за столом между супругой и некой молодой барышней, которую ранее не видел. Барышня была весьма современна, привлекательна и миниатюрна, и он не смог удержаться от того, чтобы не обратить на нее особое внимание. К счастью, с другой стороны от Анны Марии сидел болтливый торговец сахаром Бронштейн, давно страдавший графоманией, и надежно отвлекал ее от мужа.

Девушку звали Марица, и Ксенофонт Ильич сразу заподозрил ее сербское происхождение – хотя говорила она чисто, почти без акцента. Свое появление здесь, среди чиновников и предпринимателей, она объяснила ему сразу и бесхитростно. Она была переводчицей при приехавшем из Тузлы торговце, искавшем поставщиков масла. Торговец, однако, оказался так очарован русским гостеприимством, что беспробудно пил уже неделю и не вылезал из гостиных различных местных дам. При этих словах Марица смешно сморщилась и выразила явное неудовольствие.

Сейчас незадачливый торговец был здесь, но, не дожидаясь застолья, принял несколько рюмок водки и уже блаженно дрых где-то в губернаторских покоях. А девушке ничего не оставалось, как ждать его.

Развеселившись от столь невероятной истории, Ксенофонт Ильич почувствовал, что голова совсем прошла и даже более того – слегка кружится от приятного дамского общества. Откинув мысль о том, что девушка вполне годится ему в дочери, он принялся расспрашивать ее о заграничных порядках и громким шепотом делать ей комплименты. Марица весело смеялась и, кажется, была совсем не против такого общения.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.